

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 340. 001

П.В. Векленко

ИНТРОСПЕКТИВНАЯ ОНТОЛОГИЯ КАК ОСНОВАНИЕ
СИТУАЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Рассматривается философское основание ситуационных представлений – интроспективная онтология, сформировавшаяся в рамках неклассического философского дискурса.

Ключевые слова: интроспективная онтология; ситуационные представления; ситуационный подход; бытие конкретное; субъективизм.

В настоящее время не вызывает сомнений факт значительного влияния ситуационных представлений на развитие науки, а их дальнейшая разработка является перспективным направлением исследований. Однако ситуационные конструкты далеки от целостности: еще не сложилась «общая теория ситуаций», отсутствует единство в понимании того, что же есть ситуационный подход как междисциплинарный инструмент познания и каковы его основные принципы. Важным шагом на пути к решению указанных проблем будет изучение философского основания ситуационных представлений. В частности, в объективе исследования должны оказаться те идеи, возникновение и распространение которых в философии и культуре в целом ознаменовали конец практически безраздельного господства абсолютистских представлений о бытии как *умопостигаемой, сакральной реальности, создаваемой божественным субъектом*, и обращение к *бытию конкретного, индивидуального субъекта во вполне определенных обстоятельствах, т.е. к жизненной ситуации*. В истории философии этот момент рассматривается как переход от классической модели философствования к неклассической или движение от «бытия абстрактного» к «бытию конкретному», которое привело к появлению современного гуманизма в обличье феноменологии, экзистенциальной философии и герменевтики.

XIX столетие принесло мировой культуре эталон монистической философии – панлогизм Гегеля. Философское переосмысление библейской космогонии служило убедительным разъяснением: Мир со всей его сложностью, суестью и непредсказуемостью устроен на самом деле довольно просто, т.к. есть четкая программа самопостижения Мирового Разума. Диалектика, логика и теория познания суть одно и то же. Да и человек движется по траектории, заданной вселенской хитростью. И природа, и история, и все прочее, что отражает философские категории, имеют один источник. Под властью монистических представлений оказался даже ярый противник Гегеля А. Шопенгауэр – «его философия, определяющая мир как результат самореализации воли, не слишком сильно отличается от гегелевской философии самопознания духа... Отличие здесь лишь в «перемене знака». Если прежде абсолютизировалась абстрактно-всеобщая субъективность, то теперь индивидуальная» [1. С. 155]. Шопенгауэру не удалось преодолеть единство мира в субстанциальном плане, однако ему нельзя отказать в обогащении фило-

софско-антропологических, исторических, этических и прочих концепций идеями множества: множества истин, множества индивидуальных волений, множества ценностей – «Все, за что мы беремся, оказывает сопротивление, ибо все имеет свою собственную волю, которую надлежит преодолеть» [2. С. 34]. Кроме того, «все, что противоречит нашей воле, идет ей вразрез и противодействует, следовательно, все, неприятное и болезненное, мы чувствуем непосредственно, немедленно и весьма ясно» [2. С. 32] – этот пункт учения Шопенгауэра очень важен, поскольку он содержит в себе программную установку неклассической философии на изучение бытия как индивидуальной субъективности, проецируемой на окружающую действительность, на удержание в фокусе философствующего разума самых ярких и значимых моментов жизни – столкновений человека с мирозданием, которые в дальнейшем будут интерпретироваться как «пограничные ситуации» (К. Ясперс) и «прорывы экзистенции в самобытие» (М. Хайдеггер).

Идея множества становится ключевой и в философии Ф. Ницше, в ней также нет места единой, всеобщей системе жизненных ориентиров и заоблачному миру совершенных идей. Все это сменяется индивидуальными поисками тропинок к сверхчеловеку: «Сверхчеловек – смысл земли... оставайтесь верны земле и не верьте тем, кто говорит вам о надземных надеждах» [3. С. 10]. Универсальная основа человеческого существования, опора старого мира – христианский монотеизм и идеалистические грезы по поводу высшей реальности, где обитает Истина, – сокрушены безжалостными ударами молота¹. Благодаря Шопенгауэру и Ницше мироздание вновь открылось как множество, лишилось центра, начала и конца. Прекращение тирании единственного Бога-Отца привело не только к бегству от свободы, но и к новой интерпретации бытия. Субстанциальное единство мира было преодолено – бытие в абсолютистской интерпретации как вселенское, монолитное единство распалось на мириады осколков-вселенных, каждая из которых конституируется субъектом, «вот-этим-самым-человеком» и никем более. Отметим наиболее важные следствия этого распада, которые выражены в современной культуре в целом и неклассической философии в частности:

1. *Человек и есть бытие, до него, после него и за пределами видимого им горизонта нет никакого бытия* (солипсизм, психологизм). Экзистенциализм не отри-

цает объективной реальности хотя бы потому, что предписывает ей независимое от человека существование, неразумность и жестокость. Однако объективная реальность не есть бытие, а всего лишь его предпосылка. Только неразрывная связь субъекта с этой противостоящей ему реальностью составляет значение слова «бытие». Как только субъект перестает быть субъектом, взаимодействие прекращается, и «бытие» становится пустым понятием. Бытие как единство субъекта и реальности отражено, по крайней мере, в двух важнейших концептах неклассической философии – интенциональности (Э. Гуссерль) и ситуации как феномене двойственной природы (К. Ясперс). С одной стороны, человек всегда обращен к миру, его сознание есть всегда «сознание о чем-либо» [4. С. 34], ибо пустота немыслима, с другой стороны, *мир является человеку как ситуация облаченным в одежды субъективности*, поскольку не бывает сугубо объективного отражения окружающего мира, что было зафиксировано в теории познания И. Канта. Кроме того, человек, в значительной мере, независим от объективной реальности, сознание способно продуцировать разнообразные «киберпространства», сопоставимые по сложности с «физическим миром» и достаточные, в перспективе, для полного его замещения. Опыт создания виртуальных миров и длительного пребывания в них является веским аргументом в пользу наделения человека статусом Демиурга, отождествления человека с источником бытия. В данном случае уместна метафора улитки – подобно раковине, субъективность опосредствует взаимодействие с объективной действительностью, а нередко становится единственной реальностью, в которой человек пребывает и которую он в тоже время продуцирует.

2. *Человек не получает, не открывает готовых истин, он создает истину по собственной мерке и проживает ее* (гносеологический релятивизм, субъективизм, волюнтаризм). Следствие предыдущего положения применительно к теории познания – отказ от объективной истины как отпечатка окружающего мира на поверхности разума. Истина не отпечаток, а конструкция, плод самого разума. В этом пункте неклассическая философия отрывается от наследия Канта и рассматривает истину не как единство субъективных и объективных элементов, а как свойство, присущее миру настолько, насколько это необходимо субъекту. Таким образом, известная со времен античных авторов оппозиция «истина – мнение» разрушена, и в современной культуре противоположности слились воедино: «...какие-то мнения могли руководить поступками людей не меньше, чем реальные факты, будучи при этом подвержены таким внезапным изменениям, которые факты претерпевать не в состоянии. Так, Галапагосские острова могли быть объявлены адом, а всего мгновение спустя – раем, а Юлий Цезарь почитаться у государственным деятелем, то чуть погоды мясником... и так далее, и так далее» [5. Т. 5. С. 10]. Субъективистская концепция истины не представляется фантастической в свете современного понимания психики как генератора реальности в буквальном смысле. В середине прошлого века внимание ученых привлек эффект плацебо, служащий доказательством огромного потенциала самовнушения, способного сделать «субъективную» истину

«объективной». Широко используемые в последние десятилетия и оказавшиеся эффективными PR-технологии, методики аутотренинга, гипноз и манипуляция массовым сознанием вызывают все больший соблазн видеть в психике и, соответственно, в субъекте совпадение сущности и существования.

К тезису, который выделен в начале данного абзаца, можно прийти другой дорогой. Субъективность, «искусственность» истины обусловлена не только спецификой психического отражения действительности, но и необходимостью противопоставлять многообразие окружающего мира многообразию внутреннего мира. Поскольку первое не имеет пределов, постольку второе должно генерировать смыслы, не имеющие числа. Истина как процесс вновь и вновь создается и проживается субъектом в различных ситуациях, чтобы направить ход бытия. Истина изменчива, она не может существовать в завершенном, «готовом к использованию» виде.

3. *Человек, предписывающий разумность миру, жестоко ошибается* (иррационализм, пессимизм). Мир больше не является средоточием вечных истин. Насколько разум и знание становятся прерогативой человека, настолько миру предписываются неразумность, слепота и свирепость. Если в природе и существует какой-то порядок, то он не является антропомерным, Homo Sapiens не вписывается в схемы природной «рациональности», поэтому неочеловеченный мир не обладает ни состраданием, ни благородством, ни мудростью. То же самое относится и к миру культуры – рукотворная реальность ввиду человеческого несовершенства, далека от идеалов благоговения перед жизнью. Техногенная цивилизация, сосредоточенная в крупных промышленных и научных городских агломерациях представлена в современной культуре в образе каменных джунглей, огромной и зловещей мясорубки, перемалывающей человеческие судьбы. Господствующие рыночные ценности, культ успеха и бесконечная устремленность в будущее создают атмосферу напряженной борьбы за выживание, наполняют существование абсурдными, противоречивыми ситуациями. Человеку остается быть стойким, избегать ударов судьбы, которые, в конечном счете, с неизбежностью наполняют жизнь страданием.

4. *Человек, оказавшись перед бездной мироздания, не вправе возлагать ответственность за свои поступки, успехи и неудачи на какие-либо инстанции* (Судьбу, Бога, дьявола и т.д.). Неразумность и слепая жестокость мира усиливается ощущением одиночества, поскольку Бог умер из сострадания к людям, у человека не осталось больше защитников и благодетелей. Только он осуществляет выбор, только он несет ответственность, и его существованию не предшествует какая бы то ни было сущность, программа или предначертание. Мужество человека больше не жидется на мессианских переживаниях и надеждах на награду в виде посмертного существования в более совершенных мирах, чем земной. Мужество современного человека заключается в том, чтобы жить, несмотря на пустоту, которая ожидает за порогом жизни, *самостоятельно отыскивать смысл жизни, используя или преодолевая различные ситуации*. Кроме того, пустота, бессмысленность, парадоксальность – неотъемлемые черты наличного человеческого бытия в

условиях техногенной, рыночной цивилизации (индетерминизм, индивидуализм).

5. *Человек неповторим и его существование неповторимо* – пребывание в мире, сколь долгим бы оно ни было, не позволяет выработать «рецепт счастья для всех и на все случаи жизни» (аксиологический скептицизм). Подражание, повторение чужого пути подходит далеко не всем людям. Личность, как наивысший этап в развитии человеческого существа, неотделима от творчества, стремления к разнообразию внутреннего мира, а также к объективации индивидуальности в рамках профессиональной деятельности, увлечений и других сфер. Реализация чужих мечтаний, жизнь по шаблону лишают человека личностного начала, вызывают ощущение неподлинности бытия, внутреннего опустошения и бессмыслицы, подрывая при этом важнейшие основания продуктивного взаимодействия с окружающим миром. По этой причине попытки выработать, а уж тем более навязать определенную «универсальную» систему ценностей, претендующую на детальную регламентацию жизни, будь то свод правил капиталиста или строителя коммунизма, являются достоянием прошлого. *Ситуации*, в которых оказывается человек, сколько бы они ни повторялись в опыте человечества, никогда не утратят способности обнаруживать себя как *неординарное* и *уникальное* в силу неисчерпаемого многообразия генерируемых субъектом смыслов. Поэтому не существует панацеи от несчастной, бессмысленной жизни, «ключа» к решению всех проблемных ситуаций, так же как нет лекарства от всех болезней.

Таким образом, переход от «бытия абстрактного» к «бытию конкретному» коренным образом видоизменил современную культуру и привел развитие *антропоцентризма* к логическому завершению, т.е. абсолютизации субъекта как источника и смысла бытия, наделению человека статусом предельного онтологического основания. В единстве приведенные выше тезисы являются принципами специфической онтологии, которая может быть названа *интроспективной*². Интроспекция есть субъективное рассмотрение Мира сквозь мутное, но единственное оконце смыслов и переживаний, надежд и фантазий. Зачатки интроспективной онтологии возникли в древней философии, достаточно вспомнить слова Протагора «Человек есть мера всех вещей, существующих, что они существуют, несуществующих, что они не существуют» или концепцию буддийского индивидуализма – самостоятельный поиск пути к пробуждению от майи и освобождению от сансары, множество будд, к которому может примкнуть и простой смертный, персональную ответственность за поступки и т.д. В рамках этой традиции индивидуальное бытие конкретного человека есть единственный объект, достойный внимания философствующего разума, все остальные феномены изучаются постольку, поскольку они вызвали некое изменение в этой «человеческой вселенной», наполнили ее эмоциями и смыслами. Интроспективная онтология как основа современного гуманизма нашла отражение не только в философии или экзистенциально ориентированном искусстве, но и в науке, что целесообразно проиллюстрировать:

1. В *исторической науке* человек начинает рассматриваться в качестве «великой переменной величины», его

мировосприятие и мироощущение включаются в общую картину общественной жизни – «понять душу, понять, что человек чувствовал и думал, совершая поступок, значит глубже разобраться в причинах исторического процесса» [6. С. 96]. В истории акценты смещаются от схем (которые в известном смысле априорны), объясняющих развитие социума как смену общественно-экономических формаций или как некую цикличность, к интерпретации социальной формы движения как продукта индивидуального сознания. История становится не наукой о прошлом, а наукой о людях во времени, исторический факт становится фактом психологическим [6. С. 94].

2. В *психологии* психические процессы и состояния изучаются в контексте внешних обстоятельств, а поведение в целом – как результат личностно-ситуационного взаимодействия. Формируются новые методы психодиагностики жизненных ситуаций (например, метод психологической автобиографии) [7] как специфических объектов исследования. «Ситуация» становится ключевой категорией в понятийном аппарате психологических исследований [8, 9].

3. В *педагогике* формируются подходы к обучению, которые не укладываются в рамки классической классно-урочной системы [10, 11]. Все чаще принимаются во внимание индивидуальные особенности обучаемого: развитие памяти, внимания, работоспособности, предпочтения обучаемого, мотивацию к получению знаний и т.д. (создание «индивидуальных образовательных маршрутов», введение факультативных занятий и курсов по выбору обучаемых и др.); разрабатываются методы вовлечения обучаемых в моделирование ситуаций (ситуационно-ролевые игры) и т.д.

Примеры усвоения и обогащения ситуационных представлений интроспективной онтологии частными науками многочисленны и могут быть почерпнуты не только из фундаментальных отраслей знания, таких как история или психология, но и на уровне глубокой специализации, например в прикладных ответвлениях юриспруденции – уголовном процессе [12] или оперативно-розыскной деятельности [13].

Таким образом, *неклассическая философия*, преодолевшая монизм, рационализм и объективизм европейской мысли эпохи модерна, породила новый, специфический взгляд на мироздание как на проекцию внутреннего мира субъекта. В результате сформировалась *интроспективная онтология*, обогатившая науку *ситуационными представлениями*, как на уровне мировоззрения ученых, так и непосредственно на уровне методологических установок. В свою очередь *частные науки*, на основе ситуационных представлений выработали новые подходы к исследованию своих проблемных областей, что может рассматриваться в качестве предпосылки для формирования *общенаучного ситуационного метода* как целостной теоретической системы. В данном случае можно провести аналогию с развитием системного метода, который уже прошел подобный путь.

Механицизм и механистическая картина мира господствовали в науке со времен И. Ньютона до начала XX в., что, в конце концов, привело к кризису естествознания и научной революции, закончившейся утверждением релятивистской и квантовой физики. Основоположник общей теории систем, австрийский биолог

Л. фон Бергаланфи писал: «Механистическая точка зрения, по существу, заключалась в сведении живых организмов к частям и частичным процессам, организм рассматривался как агрегат клеток, клетки – как агрегат коллоидов и органических молекул, поведение – как сумма безусловных и условных рефлексов и т.д.» [14. С. 1–20]. Механистическая редукция в биологии была препятствием на пути к объяснению процессов адаптации и саморегуляции живых организмов. Так, например, с точки зрения физической химии необъясним процесс ускорения метаболизма в живых организмах при понижении температуры окружающей среды, т.к. согласно правилу Вант-Гоффа понижение температуры замедляет скорость протекания химических реакций. Объяснить этот процесс удалось, рассмотрев организм как *целостность, не сводимую к своим составляющим* и обладающую интегративным качеством – гомеостазисом, или способностью поддержания внутренних параметров на уровне, необходимом для выживания, относительно независимо от изменений окружающей среды. Предпосылкой такого подхода следует считать *витализм*, несмотря на то что сам фон Бергаланфи называет его «провозглашением банкротства науки». Витализм как идеалистическое направление в философии, противостоявшее механицизму и оказавшее значительное влияние на биологию, послужил основой *организмической программы*, из которой «выросла» общая теория систем. Сторонники витализма утверждали, что единству частей в рамках целого присуще нечто большее, чем сами части, – особая незримая жизненная сила (*vis vitalis*), непознаваемая энтелехия. Эти нематериалистические представления на грани мистификации с развитием науки

трансформировались в концепцию системности как «принципиальной несводимости свойств системы к сумме свойств составляющих её элементов и невыводимость из последних свойств целого» [15].

Таким образом, общая теория систем Л. фон Бергаланфи имеет вполне определенное философское основание – основополагающую идею, которая не только способствовала развитию биологии, но и, претерпев трансформации, была возвышена до одного из принципов междисциплинарного метода познания. Если рассматривать системную методологию в целом, в том числе развитие системных представлений в нашей стране, а не только специфику становления ОТС фон Бергаланфи, то и здесь мы обнаружим фундаментальную роль философии: «По существу, принципы системного познания представляют собой дальнейшее раскрытие и обогащение таких диалектических принципов, как всеобщая связь и всеобщее развитие» [16].

Становление общей теории систем показывает не только обусловленность общенаучной методологии философскими представлениями, но и причины, породившие необходимость новых исследовательских решений. Механика не объясняла и не могла объяснить многие аспекты существования и развития организмов. Что же оказалось не под силу системному подходу, несмотря на всю его гибкость? Представляется, что таким «камнем преткновения» является *экзистенциальный аспект бытия, эмоционально-смысловое наполнение человеческой жизни* – гомеостазисом можно объяснить ускорение метаболизма при наступлении холодов, но он бесполезен для объяснения самоубийства как одной из центральных проблем неклассической философии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Имеется в виду не только труд Ф. Ницше «Сумерки идолов, или Как философствуют молотом», но и фраза английского мыслителя, теоретика искусства Дж. Раскина: «Ах, как хорошо бы мне жилось, оставь меня в покое эти геологи со своими ужасными молотками! Их стук раздаётся в конце каждого библейского стиха». Данный афоризм удивительно точно передает мировоззренческие противоречия, свойственные человеку индустриальной эпохи, в частности разрушение авторитета Священного Писания вследствие успехов естественных наук в объяснении мира. См. подробнее: Докинз Р. Бог как иллюзия. URL: <http://ulenspiegel.od.ua/?ID=4534>
- ² Деление онтологий и методов познания на экстраспективные и интроспективные не получило широкого распространения в отечественной философии, тем не менее его можно найти в литературе. См., напр.: Сержантов В.Ф. Человек, его природа и смысл бытия. Л., 1990. С. 23.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Основы онтологии*. СПб, 1997.
2. *Шопенгауэр А.* Мысли. М., 2003.
3. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. М., 2001.
4. *Гуссерль Э.* Кризис европейского человечества и философия // Вопросы философии. 1986. № 3.
5. *Воннегут К.* Галапагосы // Воннегут К. Сочинения: В 5 т. М., 1990.
6. *Петрова Н.Н.* Марк Блок и ситуационный подход в истории // Ситуационные исследования. Вып. 1: Ситуационный подход. Казань, 2005.
7. *Бурлачук Л.Ф., Коржова Е.Ю.* Психология жизненных ситуаций. М., 1998.
8. *Васищев А.А.* Исследование процесса построения проблемной ситуации в практическом мышлении: Дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2004.
9. *Овчинникова О.В.* Внутренняя деятельность выбора в ситуации профессионального самоопределения: Дис. ... канд. психол. наук. Екатеринбург, 2004.
10. *Куприянов Б.В.* Ситуационно-ролевая игра как средство общепедагогической подготовки будущего учителя: Дис. ... канд. пед. наук. Ярославль, 1996.
11. *Чубарова Л.А.* Индивидуализация проблемных ситуаций в учебном процессе вуза: Дис. ... канд. пед. наук. Тюмень, 2003.
12. *Конин В.В.* Ситуационный подход при осуществлении профессиональной защиты подсудимого // Вестник Удмуртского университета. 2004. № 6.
13. *Давыдов С.И.* О ситуационном подходе в оперативно-розыскной деятельности // Ситуационные исследования. Вып. 2: Типология ситуаций. Казань, 2006.
14. *Bertalanffy L. von* General System Theory – A Critical Review // General Systems. 1962. Vol. VII.
15. *Большая советская энциклопедия*. URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/bse/article/00087/00600.htm>
16. *Аверьянов А.Н.* Системное познание мира. М., 1974. С. 9.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 4 февраля 2010 г.